

Кто такие ассасины?

Послан kurd-ortodoksi - 26.07.2010 20:43

Новый виток террористической войны интернациональных исламских сепаратистов против единства России и её народа в конце августа — начале сентября вызвал не только единодушный и справедливый гнев всего народа нашего Отечества, но и мобилизацию государственных сил, призванных бороться с терроризмом, сепаратизмом, восстанавливать систему безопасности государства и его граждан. Этот обнадеживающий и вдохновляющий гражданское сознание перелом в государственном строительстве России заставляет глубже задуматься над природой терроризма как такового и над особенностями конкретных его проявлений в России.

Немало написано и о духовных, и о религиозных аспектах этого страшного явления. Ведь практика наглядно свидетельствует о яркой именно религиозной окраске и мотивировке террористической войны в России. Однако вполне справедливые опасения задеть религиозные чувства мирных и законопослушных верующих людей заставляют рассматривать религиозные или квазирелигиозные корни современного терроризма с предельной осторожностью. Конечно, различные специалисты по военному делу, по проблемам национальной безопасности, политики, экономики, психологии и социологии в последние годы намного углубили наши знания о природе терроризма. Вместе с тем существует ещё один подход, связанный с историко-филологическим анализом современного террора. Как говорили римляне: *ignoratis terminis artis ignoratum et ars* — если неизвестна терминология предмета, неизвестен и сам предмет. Чтобы успешно бороться с врагом, надо изучить его всесторонне, понять его мотивы, движущие силы и как можно точнее охарактеризовать, определить терминологически.

Исламский характер российского терроризма отрицать ни в коем случае нельзя. Но вместе с тем необходимо четко видеть и то, что идеология исламского терроризма имеет большие расхождения с установлениями канонического мусульманства и относится к ярко выраженному воинствующему сектантству тоталитарного типа, а не к вполне к респектабельному традиционному вероисповеданию. Но для того чтобы понять корни современного исламского терроризма, надо хотя бы кратко обратиться к истории и структуре мусульманского социума. Ещё на раннем этапе распространения мусульманства, примерно в VIII веке по Р.Х., это религиозное учение разделилось на два направления — суннизм и шиизм.

Сунниты исповедуют, что никто из живущих не может стать преемником Магомета в его религиозном лидерстве, ибо Коран есть завершённое и высшее проявление ислама. После смерти Магомета в 632 году по Р.Х. мусульманскую общину возглавляли халифы из близких к Магомету людей: Абу Бекр (632—634 гг.), Омар (634—644 гг.), затем Осман (644—656 гг.) и Али ибн Талиб (665—661). В ту пору сунниты постепенно сформировали универсальную систему общественного права — шариат и руководствовались им. В период после этих четырех халифов сам халифат-община стал рассматриваться как хранитель коранической традиции и шариата.

Главной же фигурой религиозной власти для шиитов является имам — духовный наследник Магомета. Шииты верят, что Магомет назначил своим преемником имама, который наделен особой духовностью и потому имеет право толковать Коран. Первым имамом они почитают уже упоминавшегося халифа Али ибн Талиба — двоюродного брата и приемного сына, а также зятя Магомета, женившегося на его дочери Фатиме. Шииты верят, что Али унаследовал от Магомета особые духовные качества — вилайя — и через сыновей Фатимы Хасана и Хусейна передал их своему потомству — роду наследных имамов. Большинство шиитов известны как имамиты — они составляют основное население Ирана и верят что цикл «вилайя» будет длиться до Страшного Суда и завершится мессианским возвращением к двенадцатому имаму, которого именуют «скрытый имам». Считается, что он не умер, а перешел в состояние «гайба» с третьего века

существования ислама. Через посредников-муджахидов — врачей права, из коих главнейшие — иранские аятоллы «скрытый имам» духовно окормляет шиитскую общину. Имамат делится на два основных течения. Первое — саидисты, проживающие в основном в современном Йемене. Второе — исмаилиты, приверженцы эзотерической доктрины имамата. У последних, в свою очередь, два главных течения. Первое — низарис, адепты которого считают своим имамом и потомком Магомета старших представителей рода Ага Хана. Второе — мусталис, последователи которого верят в скрытого имама, не являющегося потомком детей Фатимы — Хасана и Хусейна.

Суннизм сосредоточен на сохранении традиции во всемусульманской общине, на создании и сохранении структуры, в рамках которой общине удастся исполнить свои религиозные установления. Шиитский же ислам ведет свое начало от мученичества Али и его сына Хусейна. Шииты всегда сохраняли эзотерическое отношение к страданию, к пониманию Корана и шариата и к отчуждению людей в жизни (по материалам статьи Дэвида Кэрра «Единство и разнообразие в исламе» // Религии мира. Справочник. М., . С. 332-333).

Сейчас в пропорциональном отношении сунниты представляют подавляющее большинство в мусульманском мире, а шииты — около 10% от общего числа последователей Магомета. Но надо сказать, что отдельные идеи шиитского толка в разные периоды времени оказывали и оказывают сейчас влияние на сознание части суннитов, и здесь невозможно провести строгую религиозно-догматическую демаркационную линию, какая, скажем, существует между католиками и протестантами в христианском мире.

Шиизм тесно связан с институтом имамата, с потомками Фатимы. Именно для защиты этой наследной отрасли от покушений соперников или крестоносцев во второй половине XI века создавалась специальная гвардия охранников.

В результате очередного раскола среди исмаилитов, произошедшего в 1094 году после смерти халифа ал-Мустансира, обособились сторонники Низара, его старшего сына. Тогда-то персидским исмаилитом Хасаном ибн Саббахом, уроженцем Хоросана, и была создана закрытая военно-религиозная организация для охраны исмаилитского имама и его родни. Возможно, образцом для подражания при формировании этой организации был военно-религиозный орден крестоносцев во имя Святого Иоанна Иерусалимского, породивший потом ордена тамплиеров, рыцарей-мальтийцев, меченосцев и т.п.

Создателем террористической идеологии этого исмаилитского ордена стал Хасан ибн Саббах, поддержавший халифа Низара. Был ли Хасан ибн Саббах сам фанатично верующим мусульманином? Сказать трудно, но, судя по среде, в которой он воспитывался и рос, атмосфера эта отличалась религиозным вольнодумством и модернизмом. Достаточно сказать, что ближайшим другом детства и юности Хасана был скабресный поэт и ученый-материалист Омар Хайям. Они вместе учились в медресе Нишапура, которое было своего рода Итоном тогдашнего Ирана, готовившим образованную элиту для государственной машины империи Сельджуков.

Объявив себя перед своими подчиненными полномочным представителем и проводником воли «скрытого имама», Хасан разработал для своих адептов целую теорию райского воздаяния за беспрекословное послушание ему. В орден Хасана ибн Саббаха набирались мальчики и юноши от 12 до 20 лет, которым изначально внушалось, что их не просто рекрутировали в данную команду, а они являются избранныками «скрытого имама».

Но при дворе фатимидов в Египте Хасан не прижился и вскоре бежал оттуда со своими учениками к себе на родину в Персию. Там на западном отроге Эльбурса (не путать с нашим

Эльбрусом) они захватил высокогорную крепость Аламут и основали собственное государство низаритов. Оттуда стал Старец Горы Хасан ибн Саббах распространять свое влияние. Главным догматом их учения стало именно беспрекословное послушание главе ордена и готовность в любой момент пожертвовать своей жизнью по приказанию старца-учителя. Послушание достигало такой степени, что ученик без всякой практической цели мог броситься со скалы или пронзить себя кинжалом по одному приказу Хасана-учителя. Ибн Саббах пришел к выводу, что недостаточно обещать людям рай на небесах, нужно им его показать. Не подсказал ли ему эту сумасшедшую идею его друг — певец земных наслаждений, поэт-гедонист Омар Хайям? Как бы там ни было, Хасан воплотил задуманное в жизнь.

Как описывает знаменитый средневековый путешественник Марко Поло в «Книге о разнообразии мира», такая безоглядная решимость в сознании учеников достигалась следующим образом. Юношу, одурманенного вином или гашишем (анашой) до бессознательного состояния, переносили в специально устроенный по восточным канонам прекрасный сад, где были фонтанчики из настоящего молока, меда и вина. Сад этот находился в окруженной со всех сторон горами охраняемой долине, и туда никто не мог проникнуть из посторонних. В чудесном саду за юношей ухаживали, кормили изысканными яствами и телесно услаждали наемные «девушки». Так продолжалось несколько дней, но достаточно недолго, чтобы юноша не успел пресытиться «чудом». И потом, вновь через питье и пищу усыпив юношу дурманом, его переносили в замок Хасана, где после пробуждения учитель объявлял, что молодой человек по воле «скрытого имама» побывал в настоящем раю, который описан в Коране, и если он хочет попасть туда же после смерти, то во всем должен слушаться учителя. Тогда он станет святым фидаем, то есть приносящим себя в жертву ради Аллаха. Для усиления веры Хасан прибегал к поистине дьявольским трюкам. В полу делали узкий колодец. Один из юношей становился в него так, что над полом видна была лишь его голова. На шею ему надевали блюдо из двух половинок. Создавалось впечатление лежащей на блюде отрубленной головы. Для эффекта в блюдо подливали крови. Когда в комнату вводили учеников, Хасан говорил: «Вы все знали этого человека. Я оживил его голову, чтобы он сам мог все рассказать». И голова описывала райские чудеса. Потом этого юношу убивали, а голову выставляли на обозрение. Убеждение, что лишь смерть на службе Хасану открывает дорогу в рай, ширилось в народе, и недостатка в желающих служить ему не было.

Поскольку Хасан верстал своих подчиненных среди детей бедняков и простолюдинов, никогда не евших досыта, такая психологическая обработка при постоянной наркотической подпитке гашишем и опиумом безошибочно приносила требуемый Хасану результат: молодые люди превращались в биороботов, беспрекословно подчинявшихся ибн Саббаху. Примерно в 1092 году Хасан решил подчинить себе один из ближайших к его крепости городов, устроив там настоящее побоище среди жителей, но получил решительный отпор. Однако испытание человеческого «материала» оказалось успешным — обкуренные юноши шли в бой без малейшего страха и расставались с жизнью без сожаления. С той поры ибн Саббах решительно изменил тактику, он перестал массово использовать своих фидаев в открытых сражениях, а стал поручать им убивать только влиятельных лиц — богатых купцов, высокопоставленных чиновников, царедворцев, угрожая напрямую самому Персидскому шаху. Более того, свои убийственные акции Хасан вскоре распространил и на другие страны Ближнего Востока, Северной Африки, а следом и Европы. Фидаи Хасана стали самыми настоящими охотниками за высшими представителями власти — герцогами и королями.

Хасан прожил в Аламуте свыше тридцати лет, почти не покидая своей комнаты, откуда, тем не менее, эффективно правил одной из самых страшных организаций в истории человечества. Хасан умер в 1124 году в возрасте девяноста лет.

Преемники Хасана, пожалуй, превзошли учителя в свирепости, требуя от своих подчиненных

абсолютного повиновения. Когда Анри, граф Шампанский, был в крепости Аламут, двое фидаев по сигналу владыки пронзили себе сердца кинжалом. Больше всего графа поразили их спокойные, поистине ангельские лица...

Видимо, тогда эти профессиональные убийцы получили прозвище ассасинов — европеизированный вариант персидского «хашишим», то есть потребитель гашиша — гашишист или анашист. Надо подчеркнуть, что термин «асасин» не являлся самоназванием членов ордена, которые звали себя фидаями. Это прозвище с явно обидным смыслом дали современники фанатичных религиозно-политических убийц. Но именно как орден асасинов он закрепился в современных ему хрониках и трудах средневековых писателей. В расцвете своего могущества эта исмаилитская военизированная секта держала в страхе и трепете весь цивилизованный мир того времени. Сильные мира сего стали искать благосклонности Горного старца — как стали именовать Хасана ибн Саббаха, и его наследников на посту главы ордена, которые также носили имя Хасана как титульное. По свидетельствам некоторых хроник, иные владетельные особы «заказывали» Хасану своих соперников на пути к трону или сопредельных государей. «Заказ» выполнялся неукоснительно, даже если приходилось устраивать целую цепочку преступлений, и его было невозможно отменить заказчику, если он вдруг «передумал». Правда, Хасан не всегда рассчитывал на одну ловкость своих фидаев. Он активно использовал подкуп, компрометацию и шантаж приближенных к главе государства должностных лиц или его охраны, чтобы поближе подобраться к жертве. Только в одном случае асасинам не удалось ни одно покушение — личная гвардия знаменитого халифа Салладина оказалась предельно бдительной и неподкупной. Орден просуществовал более полутора столетий, пока крепость Аламут ни разгромил и стер с лица земли монгольский хан Гулаг. Однако и мистическая идеология, и психологическая технология ордена асасинов в виде традиционной памяти сохранилась и в исламских преданиях, и в персидских и европейских хрониках, и даже в языках.

Слово «ассасин» вошло во многие западноевропейские языки и стало синонимом «убийцы», «наемного убийцы», «политического убийцы», «безжалостного злодея», «преступника». Так, например, во Франции и Германии террористов, киллеров, серийных убийц и сейчас называют только ассасинами. Частенько употребляет это слово по отношению к подобному сброду и в США. В российском информационном пространстве к этому термину, имеющему яркую эмоциональную отрицательную окраску, почему-то поддерживается несколько настороженное отношение, как к чему-то маргинальному, не имеющему широкого употребления. Сейчас он даже выпал из различных словарей — энциклопедических, иностранных слов, толковых и даже орфографических. Хотя в справочных изданиях пятидесятилетней давности, не говоря уж о дореволюционных, его можно было найти сразу.

Возможно ли применения этого термина для определения нынешних террористов, действующих в России? Считаю, что, безусловно, можно и даже необходимо, тем более, ещё полвека назад оно употреблялось в русском языке достаточно широко и никак не относилось к разряду экзотических. Термин содержит, как я уже говорил, резко отрицательную эмоциональную окраску, он «ругательный», что весьма важно в информационной войне и борьбе. Слова «террорист» и даже «террорист-самоубийца» в ещё недавнем и свежем в памяти советском контексте явного отрицательного значения не имели, в них даже присутствовал некий революционный «романтизм». Террористы желябовы, каляевы, войковы, халтурины совсем недавно в официальной идеологии числились народными героями, до сих пор их имена носят некоторые улицы и площади наших городов, станции метро. Слово «шахид», особенно в мусульманском контексте, и вовсе имеет религиозно-героическую положительную окраску. Экзотическое японское слово «камикадзе» — божественный ветер, приносящий тайфуны и цунами — неоднократно за последние пять лет употреблялось в наших средствах массовой информации по отношению к исполнителям терактов. Конечно, с исламскими террористами это слово роднит религиозный мотив, но японский синтоизм, по сути, не имеет ничего общего с

исламом. Тогда как термин «асасин» выражает именно исламский религиозный фактор, однако при этом указывает на сектантский характер этих исламистов, тем самым отделяя террористов-асасинов от добропорядочных и законопослушных сограждан магометанского вероисповедания. Он отражает и целенаправленную психологическую «зомбированность» исполнителей терактов, и конспирологический, подпольный характер действий террористов (настоящие японские камикадзе никогда не были подпольщиками), и общеизвестный и доказанный факт обязательного употребления наркотиков современными исламскими террористами. Действия древних асасинов носили интернациональный характер и совершались на международной арене, поэтому термин «асасин» имеет общепризнанное международное значение, он не требует перевода для любого европейского языка. Конечно, специальным указом не прикажешь моим коллегам употреблять по отношению к террористам, смертникам, шахидам, «камикадзе» именно термин «асасин», но и пренебрегать им как весьма выразительным средством информационно-психологической войны вряд ли стоит.

Год назад в газете «Красная Звезда» был опубликован материал Владимира Кузаря «Шахиды и Джеро», содержащий интервью с Валерием Александровичем Яременко, кандидатом исторических наук, ведущим научным сотрудником Института военной истории Минобороны РФ, много лет занимающимся изучением проблем арабо-мусульманского мира, в том числе исламских смертников (номер от 29 Августа 2003 года). И в нем в качестве редкого исключения для нашей прессы слово «асасин» употребляется. Ученый рассказывает: «Это была своеобразная тайная организация шиитской секты исмаилитов, созданная для борьбы против династии Сельджуков и богатых горожан. Во главе организации стоял шейх. В его распоряжении имелись фанатичные послушники – фидаи (буквально – “жертвующие собой”), которые беспрекословно выполняли все его приказания, вплоть до самоубийств. Позже они появились в Сирии и Ливане. В течение почти 200 лет асасины наводили страх и ужас на огромных пространствах мусульманского мира. Они покоряли и уничтожали целые города. Иранские асасины были разгромлены монгольским ханом Хулагу в 1256 году. В Сирии и Ливане окончательно их добил египетский султан Бейбарс в 1272 году».

Но после исторического экскурса В.А.Яременко задается, на его взгляд, риторическим вопросом: «Можно ли асасинов считать прообразом нынешних смертников? Вряд ли. Заставлять людей идти на самопожертвование во имя ислама – это изобретение современных улемов – знатоков богословия, в первую очередь связанных с экстремистскими организациями».

Однако в начале интервью В.А.Яременко сжато излагает историю современной традиции исламских смертников, начиная с самого первого случая: «Это произошло в ноябре 1994 года. Двадцатилетний палестинец Ишам Хамад обвязал вокруг тела 10 кг тринитротолуола, подъехал на велосипеде к израильскому блокпосту в самом центре сектора Газа и привел в действие “адскую машину”. Все израильские военнослужащие погибли, сам же исполнитель был разорван на тысячи клочков. По сути, этот инцидент стал первым актом самопожертвования в безумной истории Ближнего Востока. Помню, как в тот день негодовал израильский премьер Ицхак Рабин: как этот “дикий зверь” и “варвар” мог появиться в Палестине. Но очень скоро число таких “варваров” стало множиться. В течение последующих шести месяцев прогремело еще шесть подобных взрывов».

Переход палестинских лидеров к новой форме борьбы удивительным образом совпадает с годом учреждения ордена асасинов — 1094-м. Первый самоубийственный теракт в Палестине был совершен именно в тысячелетний юбилей ордена.

Конечно, асасины принципиально отличаются от современных террористов тем, что, потерпев неудачу в открытых военных выступлениях, они перешли к индивидуальному террору, направленному в первую очередь на монархов — носителей власти того времени.

Современный американский беллетрист Том Клэнси в своем романе об антитеррористической борьбе с современными асасинами «Слово президента» пишет: «Стоит убить президента или премьер-министра... и вакантное место тут же займет другой». Поэтому современные террористы не тратят усилий на сопротивление с глубоко эшелонированной охраной нынешних глав государств: к чему эти хлопоты?! Они теперь воюют против беззащитного простого народа, против детей. Ведь у нас в Конституции записано: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ» (Статья 3-1). Вот они и потрясают самые основы современной власти. Так что актуальность темы современных асасинов требует дальнейшего рассмотрения, которое мы продолжим в более подробных и тщательных сопоставлениях истории и современности.

Кто такие ассасины? Исторические корни исламского терроризма.

Леонид БОЛОТИН

<http://www.pobeda.ru/content/view/1341/92>

=====